

УДК 330.1 © О.Ю. Кузьмина¹, М.Е. Коновалова¹,
С.А. Жиронкин², 2024

¹ Самарский государственный экономический университет,
443090, г. Самара, Россия

² Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, 634050, г. Томск, Россия

✉ e-mail: pisakina83@yandex.ru

UDC 330.1 © O.Yu. Kuzmina¹, M.E. Konovalova¹,
S.A. Zhironkin², 2024

¹ Samara State University of Economics, Samara,
443090, Russian Federation

² National Research Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, 634050, Russian Federation

✉ e-mail: pisakina83@yandex.ru

Антирента и ее место в системе рационального недропользования*

Anti-rent and its place in the system of rational subsoil use

DOI: <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2024-11-34-37>

КУЗЬМИНА О.Ю.

Канд. экон. наук,

доцент кафедры экономической теории

Самарского государственного

экономического университета,

443090, г. Самара, Россия,

e-mail: pisakina83@yandex.ru

КОНОВАЛОВА М.Е.

Доктор экон. наук,

заведующий кафедрой экономической теории

Самарского государственного

экономического университета,

443090, г. Самара, Россия,

e-mail: mkonoval@mail.ru

ЖИРОНКИН С.А.

Доктор экон. наук, профессор Бизнес-школы

Национального исследовательского

Томского политехнического университета,

634050, г. Томск, Россия,

e-mail: zhironkin@tpu.ru

В современных условиях все острее встает проблема развития рационального недропользования, разрешение которой во многом связано с процессом трансформации мировоззрения хозяйствующих субъектов. Всеохватывающая индустриализация, рыночные принципы ведения бизнеса сдерживают процесс перехода к социально ориентированному и экологическому предпринимательству. В статье выявляются объективные экономические причины, обуславливающие расточительное отношение к природным богатствам. Особое внимание уделяется анализу антирентных доходов, получаемых в горнодобывающих отраслях, а также способам их минимизации.

Ключевые слова: сверхприбыль, рента, экологическая рента, антирента, рациональное недропользование.

Для цитирования: Кузьмина О.Ю., Коновалова М.Е., Жиронкин С.А. Антирента и ее место в системе рационального недропользования // Уголь. 2024;(11):34-37. DOI: 10.18796/0041-5790-2024-11-34-37.

Abstract

The current situation makes the issue of developing rational subsoil use more and more acute, the resolution of which is largely dependent on the process of transforming the attitudes of the economic entities. All-encompassing industrialization and the market principles of business development inhibit the process of transition to socially-oriented and ecologically-sound entrepreneurship. The article identifies objective economic reasons behind the robber attitude to the natural resources. A particular attention is paid to analyzing the anti-rent revenues received in the mining industry, as well as ways to minimize them.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01423, <https://rscf.ru/project/23-28-01423/>.

Keywords

Superprofits, rent, environmental rent, anti-rent, rational subsoil use.

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-01423, <https://rscf.ru/project/23-28-01423/>.

For citation

Kuzmina O.Yu., Konovalova M.E., Zhironkin S.A. Anti-rent and its place in the system of rational subsoil use. *Ugol*. 2024;(11):34-37. (In Russ.). DOI: 10.18796/0041-5790-2024-11-34-37.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы рационального недропользования, в том числе и в угольной промышленности, являются одними из самых насущных, стоящих в повестке дня любого государства, которое интересуется судьбой будущих поколений. Функционирование многих горнодобывающих предприятий, работа обогатительных фабрик, к сожалению, не соответствуют критериям рационального недропользования, приводя к высоким потерям невозобновляемых природных ресурсов. И дело здесь не только в том, что ресурсосберегающие технологии и новые организационно-управленческие решения на предприятиях являются сложно реализуемыми с точки зрения кадрового потенциала и моделей инерционного ведения бизнеса в горном производстве, когда руководитель предприятия на ментальном уровне не готов применять новые инструменты управления, но и в самих принципах развития рыночных отношений [1, 2]. Рынку, как известно, чужды нормы морали и этики, вопросы справедливости и патернализма, им управляет стремление к удовлетворению частных, весьма эгоистичных интересов участников, одной из форм реализации которых является извлечение прибыли. Погоня за высокой прибылью нередко определяет нежелание горнодобытчиков вести дело с использованием ресурсосберегающих технологий, позволяющих в ущерб интересам текущих пользователей недр удовлетворить потребности будущих поколений.

Объективно высокая стоимость внедрения щадящих способов эксплуатации недр, бесспорно, отрицательно сказывается на показателях прибыльности горного дела, блокирует возможность извлечения недропользователями сверхдоходов, например в форме антиренты. Антирентные платежи являются достаточно распространенной российской практикой, которая не просто приводит к перераспределению финансовых потоков от одних участников к другим, но и является причиной возникновения безвозвратных общественных издержек, ложащихся на плечи всех членов общества с учетом и будущих поколений. В этой связи развитие социально ориентированного и экологического предпринимательства может стать одним из базовых условий реализации рационального недропользования, когда горнодобывающие предприятия откажут себе в получении антирентных доходов.

ТЕОРИЯ БЛАГ И АНТИБЛАГ

В экономической науке категория «благо» является одной из базовых. В самой широкой трактовке под благом понимается все, что способно удовлетворить потребности вне зависимости от формы существования. Конкретный материальный объект или алгоритм действий, совершаемый кем-то, можно интерпретировать в качестве благ, если результатом будет выступать получение полезности. Конечно, полезность не является природным свойством благ, будучи степенью удовлетворенности потребности, она выступает одной из форм человеческих ощущений, то есть человек наделяет что-либо статусом «благо». В этой связи маржиналистами, особое внимание уделяющими анализу полезности, был поставлен вопрос, а что представляют из себя вещи, имеющие нулевую или отрицательную полезность.

Г. Госсен, Й. фон Тюнен, К. Менгер, У. Джевонс, анализируя процесс потребления благ, приходят к выводу, что в заданных временных границах непрерывного акта потребления каждая последующая единица потребляемого блага имеет полезность меньшую, чем предыдущая, и это происходит до тех пор, пока не будет достигнут предел насыщения, достижение последнего обусловит смену полезности на «бесполезность» [3, 4]. «Бесполезность» может быть нейтральной (нулевой), когда субъект не проявляет никакого интереса к использованию вещи, а может носить и отрицательный характер, в этом случае речь идет об антиблагах. Индивид стремится избавиться от антиблага, исключить его из поля своего существования. Явление «антиблага» очень неустойчиво во времени, система желаний и приоритетов человека подвержена видоизменению под воздействием внешних факторов. Что имело статус антиблага может легко смениться на противоположную позицию блага, и наоборот.

Ранжирование полезности с учетом фактора времени и личных характеристик субъекта позволит более четко определиться со структурой благ и антиблаг. Особое значение представляет и процесс перехода субъективных оценок полезности в объективный пласт отношений, в том числе и экономических, связанных с вопросом ценообразования. Под объективной полезностью Е. Бем-Баверк подразумевает объективную меновую ценность благ, то есть возможность удовлетворять потребности не только индивида, владеющего этим благом, но и в процессе обмена потребности других людей [5]. Субъективная оценка полезности блага заканчивается, как только индивид вступает в рыночные отношения, на ее место приходит общественная оценка. Общественные оценки полезности более устойчивы во времени, в этой связи придется констатировать, что рассуждения об антиблагах, с позиции выявления их природы, должно происходить не на уровне отдельного субъекта, а на уровне общества.

Общество как самостоятельно существующая социально-экономическая система ориентировано на свое самовоспроизводство, и все, что не укладывается в эту ключевую цель, может быть расценено в качестве антиблаг. Переходя от теории к конкретному объекту ее приложения в форме практики недропользования, придется констати-

ровать, что с точки зрения общества, хищническая эксплуатация природных ресурсов может расцениваться им только в качестве деятельности по производству антиблаг.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ РЕНТА И АНТИРЕНТА

Недавно введенные в научный оборот Ю.В. Яковцом категории «экологическая рента» и «антирента» отражают специфику отношений нового, находящегося в процессе становления способа производства, для которого свойственны постиндустриальные экономические уклады и иной уровень обобществления производства, чем существовал ранее [6]. По мнению Ю.В. Яковца, это обусловлено тем, что тренд на экологическое развитие общества сформировался совсем недавно, до этого попытки борьбы с загрязнением окружающей среды и истощением ее природных богатств носили спорадический характер, что не позволяло ученым даже задуматься о наличии, а следовательно необходимости изучения подобного рода доходов [7].

По большому счету, экологическая рента представляет собой особую разновидность дифференциальной ренты II рода. Причина ее образования – применение ресурсосберегающих способов организации производства. Интересный момент кроется в том, что не все так очевидно, поскольку мир инноваций не стоит на месте, экологическая рента легко изменяется во времени, что ставит вопрос о том, а действительно ли перед нами дифференциальная рента II рода, а не технологическая квазиарента.

Экологическая рента несет с собой позитивный заряд для развития общества, она заставляет внедрять в добывающие отрасли более эффективные технологии получения и переработки природных богатств, бережно их тратя, тем самым обеспечивая сохранение их во времени для будущих поколений [8, 9].

Принципиально иное содержание у антиренты, которая представляет собой сверхприбыль, полученную в результате экстенсивного использования природных богатств, когда их добыча идет с применением тех способов, которые позволяют лишь минимизировать затраты на ведение бизнеса горнодобытчика при росте объемов извлекаемого природного сырья. Расточительное потребление природных богатств, сопутствующее ему загрязнение окружающей среды выливаются в существенный ущерб, наносимый обществу в целом. Поэтому с точки зрения общества, проще было бы заблокировать возможность эксплуатации природных объектов. Однако следует понимать, что такая блокировка сродни изолированию человека от природы, человеческая жизнедеятельность невозможна за рамками окружающей среды. Чтобы жить, люди вынуждены будут потреблять природные блага, а загрязнение в этом случае выступает в качестве побочного эффекта от потребления. Экологический императив вовсе не сводится к тому, чтобы запретить пользоваться природными богатствами, ключевым условием является создание гармоничной коэволюции природы и общества. Ужесточение экологических стандартов, разработка и повсеместное внедрение ресурсосберегающих технологий возможны только при совершенно ином подходе к оценке человеческого существования на планете Земля [10].

Изменение мировоззрения – длительный и сложный процесс, который запущен объективными причинами в форме истощения запасов природных ископаемых и глобального изменения климата. Экологическая повестка дня уже не утратит своей актуальности, хотя острота вопроса, как и усиление активности в области внедрения прорывных экологических способов ведения бизнеса, во многом зависит от фазы технологических циклов.

Каждый новый технологический уклад, с одной стороны, приводит к более интенсивному вовлечению в производство естественных производительных сил, с другой, предлагает новые способы охраны и защиты окружающей среды от варварского ее использования [11]. Придется признать, что технико-экономическая цикличность определяет и колебания объемов экологической ренты и антиренты. Причем колебания обычно имеют обоюдонаправленный характер, в условиях кризиса данные виды доходов сжимаются (экологическая рента в большей степени, чем антирента), а в условиях подъема возрастают, скорость роста во многом зависит от степени развития социально ориентированного и экологического предпринимательства. Амплитуда колебания детерминирована глубиной цикличности, при долгосрочных технико-экономических циклах прирост и падение экологических рентных и антирентных доходов выше, чем в условиях среднесрочной и краткосрочной динамики.

На современном этапе, как известно, завершает свое нисходящее движение длинная волна Н.Д. Кондратьева, что должно обернуться появлением прорывных технологических наработок, а следовательно, в ближайшем времени можно ожидать роста экологической ренты. По поводу антирентных платежей единого мнения нет, наращивание объемов производства товаров и услуг усилит давление на природную среду, и тут важно понимать, насколько сыграет свою роль изменяющееся экологическое мировоззрение, поддержанное активными действиями со стороны государства, в сохранении природных богатств для будущих поколений [12].

Наметившаяся деглобализация в процессе политико-экономического взаимодействия между странами не может перекрыть глобальный тренд на совместное решение экологических проблем. Уплотнение глобального экологического пространства лишней раз подчеркивает то, что вопросы изъятия экологической ренты и антиренты перестают носить микроэкономический характер, приобретая черты макроэкономических процессов.

Унификация экологических стандартов использования природных ресурсов, единообразие санкций за их несоблюдение могли бы стать важным шагом к реализации экологической повестки на цивилизационном уровне взаимодействия стран и их альянсов. Эффективным инструментом борьбы с антирентными доходами могло бы явиться практически полное их изъятие государством через систему налогообложения, что в будущем позволило бы сформировать целевые денежные фонды на частичное восстановление утраченных ресурсов и облагораживание разрушенной природной среды. Среди мер могут быть также названы введение амортизационных отчислений за

долгосрочную эксплуатацию разведанных месторождений или требований по созданию экологических фондов самими горнодобывающими предприятиями, все это отразилось бы на величине их издержек, уменьшив величину получаемых антирентных доходов. Конечно, борьба с последствиями значительно хуже превентивных мер защиты и поддержки, коим должно быть уделено более пристальное внимание со стороны национальных и наднациональных органов власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теория антиренты, возникшая совсем недавно, уходит своими корнями не только в классическую политэкономическую теорию ренты, но и в маржинальную теорию, где особое внимание уделяется анализу отрицательных значений полезности. Отрицательную полезность, как известно, имеют антиблага, к которым, с точки зрения общества, можно отнести продукты природы, получаемые неэффективными способами ее эксплуатации.

Антирента как разновидность сверхприбыли от хищнического потребления природных богатств требует к себе более пристального внимания как научного сообщества, так и органов государственной власти. Требуется поиск способов ее минимизации, объективного переключения недропользователей с извлечения сверхприбыли в форме антиренты на сверхдоходы в виде экологических рентных платежей.

Список литературы • References

1. Dao N.B., Truong H.H.D., Shahbaz M., Chu L.K. The impacts of natural resources rents diversification, uncertainty, and environmental technologies on ecological sustainability: Empirical evidence from OECD countries. *Resources Policy*. 2024;(91):104895. DOI: h10.1016/j.resourpol.2024.104895.
2. Lin B., Xie J. Superior administration's environmental inspections and local polluters' rent seeking: A perspective of multilevel principal-agent relationships. *Economic Analysis and Policy. Modelling Economic Policy Issues*. 2023;(80):805-819. DOI: 10.1016/j.eap.2023.09.023Prjić.
3. Австрийская школа в политической экономии. Пер. с нем. М.: Экономика, 1992.
4. Джевонс С. Краткое обобщение общей математической теории политической экономии. Теория потребительского поведения и спроса. В кн.: Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т. 1. Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2000.
5. Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.
6. Яковец Ю.В. Рента, антирента, квазиарента в глобальном цивилизационном измерении. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.
7. Яковец Ю.В. Смена энергоэкологических способов производства // Энергия: экономика, техника, экология. 2008. № 1. С. 42-48.
8. Кармышев Ю.А. Экологический фактор в свете проблем инновационного развития экономики России: теоретические и методические аспекты // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10(32). С. 84-91. Karmyshev Yu.A. The ecological factor in the light of innovative development problems of Russian economy: theoretical and methodological aspects. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2011;(32):84-91. (In Russ.).
9. Khaddage-Soboh N., Safi A., Rasheed M.F., Hasnaoui A. Examining the role of natural resource rent, environmental regulations, and environmental taxes in sustainable development: Evidence from G-7 economies. *Resources Policy*. 2023;(86)Part A:104071. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.104071.
10. Давыдов А.В. Вопросы рационального недропользования в современных условиях // Георесурсы. 2023. № 25(3). С. 82-88. DOI: 10.18599/grs.2023.3. Davydov A.V. Issues of rational subsoil use in modern conditions. *Georesursy*. 2023;(25):82-88. (In Russ.). DOI: 10.18599/grs.2023.3.
11. Alsagr N., Ozturk I. Natural resources rent and green investment: Does institutional quality matter? *Resources Policy*. 2024;(90):104709. DOI: 10.1016/j.resourpol.2024.104709
12. Сагитова А.Ф. Формирование и использование новых форм рентных доходов в российской экономике // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 32(323). С. 57-61. Sagitova A.F. New forms of investment incomes in the Russian economy, their formation and use. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013;(32):57-61. (In Russ.).

Authors Information

Kuzmina O.Yu. – PhD (Economic), Associate Professor of the Department of Economic Theory, Samara State University of Economics, Samara, 443090, Russian Federation, e-mail: pisakina83@yandex.ru

Konovalova M.E. – Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Economic Theory, Samara State University of Economics, Samara, 443090, Russian Federation, e-mail: mkonoval@mail.ru

Zhironkin S.A. – Doctor of Economic Sciences, Professor of Business School of the National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, 634050, Russian Federation, e-mail: zhironkin@tpu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 8.10.2024

Поступила после рецензирования: 17.10.2024

Принята к публикации: 28.10.2024

Paper info

Received October 8, 2024

Reviewed October 17, 2024

Accepted October 28, 2024